

Григорий Пронченко

ЯВЛЕНИЕ САТАНЫ

Записки провинциального сыщика

Григорий Пронченко

**Явление Сатаны. Записки
провинциального сыщика**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пронченко Г.

Явление Сатаны. Записки провинциального сыщика /
Г. Пронченко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Маленький провинциальный городок сотрясает череда страшных и загадочных смертей. Люди разных возрастов и социального положения умирают с гримасами ужаса на лицах. Чудом спасшиеся сходят с ума. Что это? Козни дьявола или дело рук человеческих? Ротмистр Шванин выведет злодеев на чистую воду.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Как обычно, вечером пятницы, наше небольшое общество расположилось в беседке для чаепития. Погода стояла теплая, безветренная. Однако, земля еще не настолько подсохла, чтобы выделять пыль. Поэтому воздух был чудо как хорош – по-весеннему пьянящ и свеж.

Утомленные дневными хлопотами, а более всего (да и вернее, заметим) раздобревшие от яств нашего славного повара Тихона, гости впитывали наслаждения первых теплых вечеров. Потому беседа была вялой.

К слову, Тихон мог бы быть, как сейчас говорят, «шефом» в любом ресторане не только губернском, но и берите выше. Многие дивились тому, что он довольствуется скромным жалованием в сравнении с тем, что мог бы иметь. Однако же Тихон настаивал, что всем вполне доволен, а лишней суеты в его годы не хочется. Я же подозревал, что все это обусловлено благодарностью за давнишнее одно дело, когда мне довелось, не считите за нескромность, спасти тогда молодого еще поваренка от лютой смерти. Но об этом как-нибудь в другой раз.

А пока все любовались закатом и лакомились замечательными кремовыми пирожными с чаем.

Как-то незаметно разговор зашел о мистике. Я, занятый своими мыслями, не заметил, кто поднял эту тему. Но, думаю, это уж верно была Анфиса Павловна. Ее пристрастие ко всякой бесовщине уже давно стало анекдотом в нашем обществе.

– Тут вы не скажите, Константин Александрович, – качнула она премилой головкой. – Есть вещи, которых нам, людям, прознать не дано. Даже вон, Иван Иванович, и тот не разгадал бы, доведись ему расследовать. А уж вам-то и подавно.

При этих словах говорившая их так чарующе улыбнулась, что уже хмурившийся было граф передумал оскорбляться и улыбнулся в ответ.

– Что я там не смог бы расследовать? – спросил я, заслышав свое имя.

– Да вот, – ответил раскрасневшийся, видимо из-за ускользнувшего от моего внимания спора, Прокопий Анисимович, купец Платицин, конечно известный читателю. – Да вот, Мария Андреевна рассказывала нам о том, что в имении своем построила новый коровник. Однако ж скотина в нем не приживается...

– Весь молодняк падет, что ни делай! – незамедлительно встряла пухлощекая, похожая на сдобную булочку, помещица Кузякина, славная и добрая женщина, однако ж обладавшая даром сводить всех с ума своею болтовнёю.

Поэтому Прокопий Анисимович весьма своевременно пресек ее жестом руки и словами:

– Любезная Мария Андреевна, это мы уж слышали!..

И продолжил:

– Стало быть, падет молодняк и все тут! Вот она и высказала предположение, что место там не подходящее. Анфиса Павловна согласилась и сказала, что в некоторых местах не то что коровник ставить, даже просто проходить нельзя. Мол, есть места проклятые, где естественные законы не действуют. Тут мы и заспорили.

– Бросьте вы эту чертовщину, – отмахнулся рассудительный Лука Павлович Моисеев, наш почтеннейший начальник почтово-телеграфной конторы и первый в городе ревнитель наук. – Вон, в запрошлом году купец Федякин поставил дом на месте старого, давным-давно сгинувшего, кладбища. Ведь предупреждали его – вредные миазмы, источаемые разлагающимися телами, действуют, наверное, сотни лет. Не послушал. И вот, пожалуйста! – все семейство его беспрестанно болеет, а самого Федякина перед Крещением на погост отнесли.

– Какие там миазмы! – передразнила скучного почтмейстера Анфиса Павловна. – И без миазмов на старом кладбище много чего, а вернее *кого*, – особо оговорила она, – что способно свести на тот свет. Однако с кладбищем оно понятно. Но как быть с домом? Там ведь никаких захоронений нет. А значит, и миазмов быть не может!

– Анфиса Павловна говорит о доме купцов Платициных, – сочла нужным уточнить моя жена Елена Александровна. Она, несмотря на то, что весь вечер разговаривала с инжене-

ром-путейцем Меринским, новичком нашего собрания, лишь одна заметила, что я отвлекся и мало понимал о происходящем. И, оборотясь к своему собеседнику, не знакомому еще вполне с нашей местностью, пустилась в более пространные пояснения:

– Видите ли, Феликс Илларионович, в нашем городе целых четыре семейства купцов Платициных. Они все приходятся друг другу дальними родственниками. Однако было еще одно семейство. Но оно уже давно пресеклось. Вот об их доме и идет речь.

Разумеется, говорить о неприятных событиях рода Платициных в присутствии его представителя, моя супруга сочла несколько бестактным, и взглядом предложила Прокопий Анисимович продолжить. Тот кивнул, в знак признательности, и, поставив чашку на стол, заговорил:

– Да, было такое. Годов с полста тому, пожалуй. Максим Кузьмич был богатейшим на весь уезд, а то и на губернию, купцом. Это по большей части на его пожертвования воздвигнут наш знаменитый собор. А рядом была его же обширная усадьба. Надобно заметить, что род наш в те времена был привержен сектантству, а именно скопчеству. Эта членовредительская ересь тогда по всему уезду, ежели не сказать – губернии, процветала. Вот Максим Кузьмич и был ихним кормчим. Так, стало быть, именовался у них руководитель секты. Дело было громкое, – обвел он взглядом присутствующих. Те согласно закивали. – Родственничка моего сослали. А пять домов с надворными строениями, что составляли усадьбу, перешли к внучатому племяннику кормчего. И вот лет двадцать назад наследника кормчего Максима Кузьмича и всю его семью постигла страшная участь – однажды по утру все они были найдены мертвыми в подвале одного из домов, в котором, по преданию, во времена оные творили свои мрачные мессы сектанты. Непонятная и страшная смерть постигла самого Ивана Поликарповича, его супругу и двух сыновей, исключая младшего, Семена. Он был обнаружен там же, в подвале, в совершенно невменяемом состоянии. Он... сошел с ума...

Так род бывшего кормчего этой кошмарной секты прекратился окончательно. В нашей семье не любили поминать о тех событиях. Лишь ходили какие-то смутные слухи о том, что последнему из рода еще *тех* Платициных отомстили тайные последователи его мрачно знаменитого предка. Однако то были лишь слухи... Дом, где все случилось, как и два соседних, через год снесли. А два оставшихся продали. С глаз, как говорится, долой...

– Дело тогда расследовала полиция, – не преминула напомнить Анфиса Павловна. – И, как я слышала, было оно закрыто без результата. Так, Иван Иванович? Или я ошибаюсь?

Грешен я, надобно сказать. Люблю, эдак, поразить собеседника неожиданным ответом, либо оборотом.

Вот и тут, выдержав долгую паузу (сам господин Алексеев¹ сказал бы «Верю!»), я подождал, пока Танюша нальет мне очередную чашку чаю, и, наконец, ответил уже проявлявшей признаки нетерпения Анфисе Павловне:

– Увы, ошибаетесь... Преступник, а вернее, преступники, были сысканы и понесли заслуженное наказание!

Тут даже невозмутимый Лука Павлович довольно проворно повернул голову, блеснув стёклышком пенсне. А уж Константин Александрович так встрепенулся, что едва не расплескал чай.

– Да, да, господа, – весьма довольный произведенным эффектом, повторил я. – Расследование было проведено по всей форме и дело было раскрыто.

– Но позвольте, Иван Иванович, – возразил так же немало озадаченный Прокопий Анисимович. – Даже я – хоть и дальний, но родственник – не знаю об этом!

---

¹ Речь идет, очевидно, о выдающемся русском актере, театральном режиссере и теоретике Константине Сергеевиче Станиславском, чья настоящая фамилия Алексеев.

– На то были особые обстоятельства, – с легким налетом снисходительности, ответил я. – Однако, сейчас уж можно говорить все начистоту. Поэтому, если мои уважаемые гости позволят мне потратить их время на старческую болтовню, я расскажу вам эту историю.

Все шумно начали выражать свою готовность послушать рассказ, а Анфиса Павловна даже укорила:

– Уж бросьте интересничать, дорогой Иван Иванович. Когда это мы отказывались ваши рассказы послушать?!

– Ну, что ж, – начал я. – Дело и взаправду было дикое и страшное было. И началось оно вовсе не в подвале купца Платицина...

***

– Эко его перекосило, сердешного! – перекрестился старший городской Губорев, богатырь с вислыми седыми усами на задубелом лице, с каменным, аккуратнейшим образом выбритым подбородком и спокойными умными глазами.

– И то, страсть какая, – задушено согласился второй полицейский, Ракитин, молоденький, в нескладно сидевшей на нем шинели. Он шмыгнув, вытер рукавом нос, но приметив мой укоризненный взгляд, смутился и отошел ко входу. Все знали, что я требовал от своих сотрудников безупречного внешнего вида и культурного поведения.

Впрочем, поведение Ракитина было вполне объяснимо – прослужил он не так много и подобного, уж верное, никогда не видал. Как и иные из присутствующих.

Посреди пустой просторной комнаты, прямо на пыльном полу, раскинув руки и ноги лежал молодой человек. Был одет он в новенький, отлично сшитый черный сюртук и серые, тоже новые, панталоны. Туфли, хоть и запыленные, были заметно дороги и щегольски. На кисть правой руки была одета черная тонкой лайки перчатка. Вторая перчатка валялась у левого ботинка, должно быть она выпала из хозяйской руки. Модная шляпа со слегка изогнутыми полями откатилась в самый угол. Словом, одежда выдавала в покойном человека небедного и, что называется, «из общества». А вот о лице его, каково оно было при жизни, судить не представлялось возможным. Оно было перекошенным ужасной, чудовищной гримасой страха. Смертельного, запредельного страха. Тонкие губы растянуты в подобии адской улыбки. Зубы оскалены. Глаза вылезли из орбит и казались бильярдными шарами, непонятно зачем вставленными кем-то в глазницы покойного. Брови изогнулись под углом и залезли куда-то далеко на лоб. В целом лицо напоминало маску бога ночных страхов какого-то племени дикарей, недавно виденную мною у одного знакомого в Тамбове. Ее привез ему родственник из путешествия по Африке. Только маска была черной, а лицо лежавшего перед нами человека было алебастрово-белым, даже белее стен комнаты.

На первый взгляд, никаких внешних повреждений на труп не было. Только на затылке был довольно крупный желвак, однако, как предположил наш почтенный доктор Розенплентер, это было следствием падения. Молодой человек, видимо, чего-то страшно испугался и упал навзничь как стоял – прямо, словно подрубленное дерево. И со всего размаху приложился затылком о дубовые доски пола.

– Сильный удар о пол мог, конечно, послужить причиной смерти, – по своему обыкновению тихо докладывал Владимир Карлович. – Но... На вид молодой человек довольно крепок... Ежели только какие-то прижизненные патологии были... Скорее, сердечный приступ. Отсюда и такая гримаса – подобное случается. Вернее скажу после вскрытия. Судя по трупному окоченению, смерть наступила нынче ночью, часа четыре тому.

– Это около двух часов пополуночи...

– При покойном обнаружены: платок без меток, – это уже помощник пристава Пульхов, толковый молодой полицейский, докладывал, – денег двадцать семь рублей и тридцать

две копейки с половиною, золотой брегет на цепочке, перстень, тако же золотой, с большим прозрачным камнем, золотая же заколка для галстука с голубоватым прозрачным камнем и буквами «В» и «С»...

– Стало быть, не ограбление...

Коллежский регистратор² согласно кивнул и продолжал:

– Еще найдены были две фотографические открытки фривольного содержания и записная книжка.

Я взял в руки небольшую книжечку в черном кожаном переплете. На линованных страничках аккуратным бисерным почерком были начертаны адреса, а напротив них – женские имена. К сожалению, все адреса были явно не в нашем городе – названия улиц были мне незнакомы. И еще было много стишков, довольно пошлых и безвкусных.

Было ясно, что погибший – молодой ветреный повеса, охочий до развлечений бездельник, беспутный сын богатых родителей. Но ничего, что давало бы возможность установить его личность, обнаружено не было. Только две буквы на заколке. Не густо...

Хватиться отпрыска такого поведения родные могли и не скоро. Известное дело – современная молодежь!

– Дом принадлежит купчихе Дюжевой. Но уже несколько лет пустует. Мебель, как изволите видеть, вывезена. Двери закрыты на замки. Из-за этого, собственно, городской и решил проверить дом, – Пульхров повернулся к Губореву.

– Так что, ваше высокобродь, – с обстоятельностью старого служаки начал о. – Я при обходе приметил, что замок на парадном как будто сломать пытались – он был повернут с ног на голову. Дужкой вниз, значит. А на двери были свежие царапины и накладная петля погнута. О снова, замок крепкий оказался, либо взломщик неопытный. Ну, я, на всякой случай, решил проверить со двора. Свистнул в свисток. Прибег вот, городской Ракитин. Вдвоем пошли во двор. Глядь, а дверь-то черного хода приоткрыта. Она сызнутри была на задвижку заперта. Вот кто-то ее гвоздиком либо каким иным острым прутком ее сдвинул. Там, изволите видеть, царапины остались.

При этих словах городской хотел было продемонстрировать царапины наглядно и жестом предложил мне пройти к двери черного хода. Но я лишь махнул рукой – не для чего. Знал я Губорева не первый день и в подобных вещах ему вполне привык верить.

– Ага, – удовлетворенно кивнул тот, явно оценив мое к себе доверие. – Стало быть, вошли мы с Ракитиным. Прошлись по комнатам – пусто и никого нет. Решили, что кто-то побаловался, да под конец заглянули в эту комнату. И вот...

Он неловко покосился на труп.

– Позвольте, ваше высокоблагородие? – вдруг подал голос Ракитин.

– Да, говорите.

– Тут дело такое, что во всех комнатах порядок. Ну, то есть хоть мебели нету, но все цело. А здесь вон в стенках дырья пробиты! И как – будто, не столь давно – мусор лежит, да еще видно, что пыль на полу стерта.

– Какие дырья? – удивился я, оглядывая стены.

– А вот, извольте видеть!

Городской носком сапога передвинул одну из керосиновых ламп, стоявших на пыльном полу и ткнул пальцем. Но я уже и без того увидел небольшое, дюйма два, аккуратное отверстие, черневшее на белой стене в двух аршинах³ от угла комнаты и на высоте полтора аршин от пола. Второе отверстие было таким же, но в самом низу стены, на вершок⁴ выше пола.

---

² Гражданский чин 14-го класса, самый низший в Табели о рангах в Российской империи.

³ Русская мера длины, равная 71,12 см.

⁴ Русская мера длины, равная 4,445 см.

Как я тут же убедился, в соседних комнатах у отверстий лежали кучки свежего мусора, полученного от сверления тех отверстий – крошка кирпича и раствора. Слой пыли хранил слегка смазанные отпечатки подошв обуви. А в одном месте, у отверстия близкого к полу, и чего-то округлого. По отпечатку складок я сразу понял – здесь некий человек вставал на одно колено. Вот и треугольный следок от носка ботинка!

Как ни старались я и мои помощники, но внешний осмотр дал совсем немного. По следам на пыльном полу удалось установить только то, что покойный пришел в дом не один, а со спутником. Они сразу прошли в эту комнату, постояли несколько минут в центре ее, курили. А потом неизвестный упал и умер. Его товарищ же ушел. Но перед этим он подходил к труп. Должно осматривал его. Помощи оказать он явно не попытался – труп, судя по той же пыли, не двигали.

Я приказал составить словесное описание внешности погибшего и направить его в Тамбов, а также в соседние с нашим уезды.

Вскрытие ожидаемо показало, что молодой человек умер от разрыва сердца, произошедшего верно от сильнейшего нервного потрясения. Исходя из этого был сделан вывод о естественности смерти и дело, несмотря на мои протесты, было закрыто. Однако, труп, по распоряжению полицмейстера, оставили в леднике для возможности дальнейшего опознания и передачи родственникам, ежели таковые объявятся.

И верно – не прошло и двух недель, как из Рязанской губернии поступил ответ, что по моему описанию погибший был признан как Владимиров Сергей Аполлонович, единственный сын богатого владельца мебельной фабрики. Приехавший несколько позже двоюродный брат покойного господин Путятин сообщил, что безутешный отец, долгое время до этого болевший, не вынеся тяжкого известия, скончался в одночасье и теперь ему, единственному родственнику злосчастной семьи, предстояли двойные похороны. По этой причине он просил по возможности ускорить процесс выдачи тела покойного кузена.

Власти не стали тянуть, и Путятин в тот же день отбыл домой со своим скорбным грузом. Однако, перед тем я все же снял с него показания. Пусть и пустая формальность, но того требовал порядок.

Рязанец оказался молодым человеком лет двадцати пяти с тонким хитроватым лицом и бегающим взглядом. Туалет его был весьма модным, даже щеголеватым, хотя штiblеты несколько стары. Он раз пять демонстративно доставал большие часы, видимо стараясь поскорее отделаться от меня. Но я обратил внимание, что дорогой брегет он носит на простенькой дешевой цепочке. Несколькими окольными вопросами я выяснил, что состоит он на мелкой чиновничьей должности, родители господина Путятина уже года два как преставились и что отец и сын Владимировы были, до недавнего времени, его единственными на всем свете родственниками.

По сути же дела выяснилось, что Сергей Аполлонович выехал в наш уезд вместе со своим товарищем по имени Петр. Со слов Путятина, познакомились они как три месяца на ярмарке в Нижнем. Петр был сыном какого-то лесопромышленника из нашего города, но ни места его жительства, ни фамилии, кузен покойного не помнил. Петр, как и господин Владимиров, выполнял при своем отце обязанности торгового представителя. На этой почве, а также по схожести характеров, молодые люди быстро сдружились и Петр, часто ездивший в Москву по делам отца, по пути несколько раз заглядывал к новому товарищу. И вот, в свой последний приезд в прошлый месяц, пригласил Владимирова к себе в гости. Сергей Аполлонович оповестил отца, что вернется через неделю. По этой причине его не сразу хватились.

– Воля ваша, Александр Григорьевич, а надобно дело открывать.

С такими словами обратился я к полицмейстеру. Господин коллежский советник⁵ пожевал тонкими сухими губами и махнул рукою:

– Что вам, Иван Иванович, неймется все. Эка невидаль – человек помер! Так что, на каждый раз дело открывать?

– Не все здесь чисто, ваше высокоблагородие, – нарочно перешел я на казенный язык. Нежелание полицмейстера открывать дознание было мне понятно – за нераскрытое убийство начальство по головке не погладит. А господину полицмейстеру вот-вот выходило повышение, об котором он давно уж хлопотал. От того и не хотел он себе послужной список портить. Но, уж коль поступил на государеву службу, так исполняй дело не за страх, а за совесть! Не за ради выгод и наград. Если не разыскать и не наказать преступника, то подрывается вера в закон и устой государства! А этого никак допускать нельзя.

– Чего ж нечистого-то? – поморщился полицмейстер. – Ну, испугался спутник этого... Владимиров, когда тот на пол брякнулся, да и ушел. Это ж весьма просто – почти любого оторопь возьмет, когда приятель замертво на твоих глазах падает. А потом стыдно было пойти сознаться в собственной слабости. Обычное дело.

– Так-то оно так. Но он же подходил к уже лежащему Владимирову. Значит, не так уж и испугался!

Полицмейстер замахал руками, словно отгоняя тучу комаров:

– Опять вы за свое! Это лишь предположение ваше.

– Отнюдь. Об этом совершенно определенно говорят следы на пыльном полу. Да и то обстоятельство, что покойный отправился в свое предсмертное путешествие с человеком, с коим был знаком всего ничего, а виделся и того менее, тоже весьма подозрительно. Надо бы этого Петра найти да расспросить обо всем. Коль никакого злодейства не обнаружится, так тут же дело и закроем. Но теперь уж совершенно со спокойной совестью.

Я умолк. По правде, меня еще более смущало то, что смерть постигла единственного прямого наследника богатого и тяжело больного человека. И все наследство досталось прощелыжному на вид Путятину, который, по всем видам, отцовское состояние быстро промотал и влачил состояние приживала при богатых родственниках. Не нравился мне этот субъект, а также то, что ему на голову внезапно свалилось наследство, о коем он и мечтать не мог в силу молодости прямого наследника.

Однако эти соображения я оставил при себе, зная характер начальника – ежели вот так продолжать упорствовать, так он нарочно будет за этим делом наблюдать, чтобы его указания, не взирая на всю их неправильность, выполнялись точно и беспрекословно. А так, он скоро уж забудет. Я же смогу спокойно дознание провести.

Полицмейстер опять долго жевал сухими губами, морщил косматые брови, а после махнул рукою – дескать, делайте, Иван Иванович, что сочтете нужным, но уж коли что – весь ответ на вас. На большее я и не рассчитывал! Мысленно возблагодарив Бога, я коротко поклонился и вышел. Время было заняться таинственным спутником покойного.

---

⁵ Гражданский чин 6-го класса в Табели о рангах в Российской империи. В описываемое время соответствовал чину армейского полковника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.